

Борис Лавренев Разведчик Вихров

О ХРАБРЫХ СЫНАХ НАРОДА

Вам, дорогие читатели, наверно, знакомо имя писателя Бориса Андреевича Лавренёва. Это имя связано с яркими страницами истории советской литературы и театра. Некоторые герои его произведений стали героями кинофильмов.

На экране телевизора вы могли видеть фильм «Сорок первый». Его показывали в телевизионных программах не один раз. Он поставлен по повести Б. Лавренёва, носящей то же название.

В лучших театрах страны шли и идут такие широкоизвестные пьесы, как «Разлом» и «За тех, кто в море». Эти спектакли впоследствии тоже показывало телевидение.

Творческое наследие, оставленное Б. Лавренёвым, обширно и разнообразно. Романы, повести, рассказы, пьесы, очерки, статьи... Собрание его сочинений — шесть объёмистых томов.

О чём говорит с читателями Борис Лавренёв? Содержание его произведений подсказано автору тем, что он видел сам, прочувствовал, пережил на разных этапах своего пути.

Широкую известность принесли писателю повести «Ветер» и «Сорок первый». Они появились в 1924 году. А что было до того?

Писатель прошёл хорошую жизненную школу. Родившийся в 1891 году в интеллигентной семье (родители оба — и отец и мать — были педагогами), мальчик с детства воспитывался в духе любви к родной стране, к её народу. Его учили всегда верить в силы народа, в справедливость исторических путей, которые он сам выбирает для себя, строя свою судьбу.

С детства обуревала душу мальчика — а потом и юноши — страсть к книгам и к театру. Увлекался он и изобразительным искусством. Море любил настолько, что мечтал стать моряком... Писал стихи. Они публиковались.

Потом пришла война. Первая мировая. Борис Андреевич Лавренёв, артиллерийский поручик, как он писал позже в «Короткой повести о себе», впервые тесно соприкоснулся с жизнью русского солдата, «с полным внутреннего благородства, тёплым, сердечным, правдивым простым русским человеком, мучеником и страстотерпцем удушливого и несправедливого строя царской России».

Однако не сразу смог он разобраться в смысле событий Великого Октября. Но в итоге принял решение бесповоротное. И вот он в Красной Армии. Участвует в боях против Петлюры и банд атамана Зелёного. Работает в политотделе Туркестанского фронта, в красноармейских и краевых газетах.

Так пришли уже давно из самой жизни в его творчество величие исторических свершений народа, красота героики, подвига, темы непримиримого столкновения нового мира и старого, их борьбы не на жизнь, а на смерть. Эти темы, эти творческие интересы, естественно, захватили писателя целиком в годы Великой Отечественной войны.

В ряде произведений Б. Лавренёва возникает образ крейсера «Аврора», слышится эхо исторического выстрела. В книжке, которую вы держите в руках, — одно из таких произведений: рассказ «Выстрел с Невы».

О вашем сверстнике — храбром и сообразительном добровольце-разведчике Коле Вихрове, о его встрече с флотскими артиллеристами и их совместной борьбе против

гитлеровских оккупантов прочтёте вы в рассказе «Разведчик Вихров».

Подвигу безвестного героя, подвигу, которых было так много в годы Великой Отечественной войны, посвящен рассказ «Внук Суворова».

Писатель Б. Лавренёв говорил, что в литературе, как и в жизни, он не выносил позёрства, шаманства, фокусничества, зазнайства. Он любил живой народный язык, призывал беречь его чистоту, бороться за неё, хранить силу «великого, могучего, правдивого и свободного русского языка, того языка, на котором так чисто, с такой любовью к его живому звучанию говорил и писал Ленин».

Борис Андреевич Лавренёв в высокой степени владел искусством повествования увлекательного. Вам будет интересно читать эту книжку.

Ю. Лукин

ВЫСТРЕЛ С НЕВЫ

23 октября 1917 года шёл мелкий дождь.

«Аврора» стояла у стенки Франко-русского завода. Место это было хорошо знакомо старому крейсеру. Это было место его рождения. С этих стапелей в 1900 году новорождённая «Аврора» под гром оркестра и салют, «в присутствии их императорских величеств», скользя по намыленным брёвнам, сошла в чёрную невскую воду, чтобы начать свою долгую боевую жизнь с трагического похода царской эскадры к Цусимскому проливу.

По мостику, скучая, расхаживал вахтенный начальник. Направо медленно катилась ко взморью вспухшая поверхность реки серо-чугунного цвета, покрытая лихорадочной рябью дождя. Налево — омерзительно грязный двор завода, закопчённые здания цехов, чёрные переплёты стапельных перекрытий, размокшее от дождя унылое пространство, заваленное листьями обшивки, плитами брони, бунтами заржавевшей рыжей проволоки, змеиными извилами тросов. Между этими хаотическими нагромождениями металла стояли гниющие красно-коричневые лужи, настоянные ржавчиной, как кровью.

Дождь поливал непромокаемый плащ вахтенного начальника, скатываясь по блестящей клеёнке каплями тусклого серебра. Капли эти висели на измятых щеках мичмана, на его подстриженных усиках, на козырьке фуражки. Лицо мичмана было тоскливо-унылым и безнадежным, и со стороны могло показаться, что вся фигура вахтенного начальника истекает слезами безысходной тоски.

Так, собственно, и было. Вахтенный начальник смертельно скучал. С тех пор как стало ясно, что всё рушится и адмиральские орлы никогда не осенят своими хищными крыльями мичманские плечи, мичман исполнял обязанности, изложенные в статьях Корабельного устава, с полным равнодушием только потому, что эти статьи с детства въелись в него, как клещи в собачью шкуру. Он сам удивлялся порой, почему он выходит на вахту, когда вахта обратилась в ерунду. Неограниченная, почти самодержавная власть вахтенного начальника стала лишь раздражающим воспоминанием. От неё сохранилось только сомнительное удовольствие — записывать в вахтенный журнал скучные происшествия на корабле.

Такую вахту не стоило нести. Офицеры с наслаждением отказались бы, если бы не странное и необъяснимое поведение матросов. Нижние чины, внезапно превратившиеся в граждан и хозяев корабля, несли сейчас корабельную службу с небывалой доселе

чёткостью и вниманием. Матросы держались подчёркнуто подтянуто. Корабль убирался, как будто в ожидании адмиральского смотра. Часовые у денежного ящика и у трапа стояли как вкопанные. Эта матросская ретивость к службе, в то время как её не требовал и не смел требовать командный состав, казалась офицерам непонятной и даже пугала их.

Вот и сейчас. Вахтенный начальник нагнулся над стойками левого обвеса мостика и лениво наблюдал разыгрывающуюся сцену. Шлёпая по лужам, к мосткам, перекинутым со стойки на борт крейсера, шёл человек в длинной кавалерийской шинели. Полы, намокшие и отяжелевшие, бились о сапоги, как мокрый бабий подол. На голове шедшего была защитная фуражка английского офицерского образца. Он взошёл на мостки. Вахтенный начальник равнодушно наблюдал. С утра до ночи на крейсер шляется всякая шушера. Представители всяких там партий, демократы и социалисты, чёрт их пересчитает. Ещё совсем недавно нога штатского не смела вступить на неприкосновенную палубу военного корабля. А теперь...

Ну и пусть ходит, кто хочет. И чего ради часовой у мостков пререкается с этим типом? Мичман равнодушно, но с тайным злорадством наблюдал, как часовой преградил дорогу посетителю, как тот, горячась, говорил что-то и как часовой, холодно осмотрев гостя с ног до головы, свистнул, вызывая дежурного. Такое соблюдение формальностей было ни к чему, но всё же умаслило мятущееся сердце мичмана.

Подошедший дежурный взглянул в предъявленную посетителем бумагу и повёл его за собой.

Вахтенный начальник разочарованно зевнул и зашагал по мостику, морщась от дождевых капель.

Только что назначенный комиссаром «Авроры» минный машинист Александр Бельшев хмуρο прочёл поданную посетителем бумагу. Уже то, что посетитель представился личным адъютантом помощника министра Лебедева, разлило комиссара. Он терпеть не мог ни эсеров, ни их адъютантов.

В бумаге был категорический приказ морского министра немедленно выходить в море на пробу машин и после этого следовать в Гельсингфорс в распоряжение начальника второй бригады крейсеров.

— Министр приказал довести до вашего сведения, что невыполнение приказа будет расценено как срыв боевого задания и военная измена со всеми вытекающими последствиями, — сказал адъютант казёнными словами, стараясь держаться начальственно и уверенно. Ему было неуютно в этой суровой, блестящей от эмалевой краски каюте, за тонкими стенками которой ходили страшные матросы, и он старался подавить свой страх показной самоуверенностью.

— Ясное дело, — сказал Бельшев, поднимая на адъютанта тяжёлый взгляд, и вдруп улыбнулся совсем детской конфузливой улыбкой. — Мы и так понимаем, что такое измена, — выговорил он значительно, подняв перед своим носом указательный палец, и по тону его нельзя было понять, к кому относится слово «измена». — Стрелять изменников надо, как сукиных сынов, — продолжал комиссар, повышая голос, и адъютанту морского министра показалось, что глаза комиссара, вспыхнувшие злостью, очень пристально упёрлись в его лоб. Он поспешил проститься.

После его ухода Бельшев прошёл в каюту командира крейсера. Командир сидел за столом и писал письма. Слева от него выросла уже горка конвертов с надписанными адресами. Лицо командира было бледно и мрачно. Похоже было, что он решил покончить самоубийством и пишет прощальные записки родным и знакомым.

Не замечая унылости командира, Бельшев положил перед ним приказ морского министра.

— Когда прикажете сниматься? — спросил командир, вскинув на комиссара усталые глаза.

— Между прочим, совсем наоборот, — ответил, слегка усмехаясь, Бельшев. — Комитет имеет обратно приказание Центробалта — производить пробу машин не раньше конца октября. Так что придётся гражданину верховноуговаривающему вытягивать якорный канат своими зубами, и он их на этом деле обломает. В Гельсингфорс не пойдём и вообще не пойдём без приказа Петроградского Совета, — закончил Бельшев официальным тоном.

— Слушаю-с, — ответил командир и сам удивился, почему он отвечает своему бывшему подчинённому с той преувеличенной почтительностью, с какой разговаривал с ротным офицером в корпусе, ещё будучи кадетом.

— Посторонних нет?

Вопрос был задан для проформы. Комиссар Бельшев и сам видел, что в помещении шестнадцатого кубрика не было никого, кроме членов судового комитета, но ему нравилась строгая процедура секретного заседания.

— А какой чёрт сюда затешется? — ответили ему. — Матросы понимают, а офицера на верёвочке не затащишь.

Бельшев вынул из внутреннего кармана бушлата конверт. Медленно и торжественно вытащил из него сложенную четвертушку бумаги, разгладил её на ладони и, прищурившись, обвёл насторожённым взглядом членов комитета. Это были свои, испытанные, боевые ребята, и все они жадно и загоревшимися глазами смотрели на бумагу в комиссарских руках.

— Так вот, ребятки, — сказал Бельшев, — сообщаю данное распоряжение: *«Комиссару Военно-революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов на крейсере «Аврора». Военно-революционный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов постановил: поручить вам всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами восстановить движение на Николаевском мосту».*

В кубрике было тихо и жарко. Где-то глубоко под палубами заглушённо гудело динамо, да иногда по подволоку прогрохатывали чьи-то быстрые шаги. Члены комитета молчали. И несмотря на то, что глаза у всех были разные — серые, карие, ласковые, суровые, — во всех этих глазах был одинаковый острый блеск. И от этого блеска лица были похожи одно на другое. Их освещал одинаковый свет осуществляющейся, становившейся сегодня явью вековой мечты угнетённого человека о найденной Правде, которую сотни лет прятали угнетатели.

— По телефону передали из ревкома, что это распоряжение самого Владимира Ильича... Товарищ Ленин ожидает, что моряки не подведут, — добавил Бельшев тихо и проникновенно, и опять по лицам пробежал задумчивый и взволнованный свет.

— Ты скажи, Саша, пусть товарищ Ленин пребывает без сомнения, — обронил кто-то, — если он хочет, так сквозь что угодно пройдем.

— Значит, постановлено? Возражающих нет? — спросил комиссар. Он был ещё молод, молод в жизни и молод в политике, и любил, чтобы дело делалось по всей форме.

Члены комитета ответили одним шумным вздохом, и это было вполне понятной формой одобрения.

— Тогда предлагаю обмозговать выполнение задачи. — Бельшев бережно спрятал в бушлат боевой приказ Петроградского Совета. — Сколько людей понадобится и каким способом навести мост.

— Способ определённый, — сказал, усмешливо скаля мелкие зубы, Ваня Карякин, — верти механизм, пока не сойдётся, вот тебе и вся механика.

Но шутка не вызвала улыбок. Настроение в кубрике было особенное, строгое и торжественное, и Ваню оборвали:

— Закрой поддувало!

— Ишь нашёлся трепач... Ты время попусту не засти. Без тебя знаем, что механизм вертеть

надо.

С рундука встал плотный бородатый боцманмат.

— Полагаю, товарищи, что дело серьёзное. На мосту и с той стороны, на Сенатской и Английской набережной, юнкерё. Сколько их там и чего у них есть, нам неизвестно. Разведки не делали. Броневики я у них сам видел. А может, там где-нибудь в Галерной и артиллерия припрятана. От них, гадов, всего дождётся. И думаю, что на рожон переть нечего, а то оскандалимся, как мокрые куры, и дела не сделаем.

— Что ж ты предлагаешь? — спросил Бельшев.

— А допрежде всего выслободить корабль из этой мышеловки. Чёрта мы тут у стенки сотворим. Первое дело — отсюда мы до Английской набережной не достанем через мост. Второе — на нас могут с берега навалиться. Да и где это слыхано, чтоб флотский корабль у стенки дрался! А потому предлагаю раньше остальных вывести «Аврору» на свободную воду для манёвра и поставить к самому мосту.

— Верно, — поддержал голос, — нужно к мосту выбираться.

Бельшев задумчиво повертел в руках конец шкертика, забытого кем-то на столе.

— Перевести — это так, — сказал он, — да кто переводить будет? На офицерё надежды мало. Они сейчас — как черепаха, богом суродованная. Будто им головы прищемило.

— Пугнуть можно, — отозвался Ваня Карякин.

Бельшев махнул рукой.

— Уж они и так напуганы, больше некуда. Начнёшь дальше пугать — хуже будет. Теперь с ними одно средство — добром поговорить. Может, и отойдут. А то они даже самые обыкновенные слова не понимают. Я вчера на палубе ревизора встретил, говорю ему, что нужно с базой поругаться насчёт гнилых галет, и вижу, что не понимает меня человек. Глаза растопырил, губу отвесил, а сам дрожит, что заячий хвост. Даже мне его жалко стало. Окончательно рассуждение потерял мичманок... Верно, думал, что я его за эти сухари сейчас за борт спущу. Ихнюю психику тоже сейчас взвесить надо. Земля из-под ног ушла...

— Потопить их всех.

— Рано, — твёрдо отрезал Бельшев. — Если б надо было, так нам бы сперва приказали с ними разделаться, а потом мост наводить. Сейчас пойду с ними поговорю толком. Членам комитета предлагаю разойтись по отсекам, разъяснить команде положение. Да присмотреть за эсеровщиной. А то намутят. Ещё сидят у нас по щелям эсеровские клопы...

Кубрик ожил. Члены комитета загрохали по палубе, торопясь к выходу.

Когда Бельшев вошёл в кают-компанию, был час вечернего чая и офицеры собрались за столом. Но как не похоже было это чаепитие на прежние оживлённые сборища. Молчал накрытый чехлом, как конь траурной попоной, рояль. Не слышно было ни шуток, ни беззаботного мичманского смеха. Безмолвные фигуры, низко склонив головы над столом, избегая смотреть друг на друга, напоминали людей, собравшихся на поминки по только что схороненному родственнику и не решающихся заговорить, чтобы не оскорбить звуком голоса незримо присутствующий дух покойника.

При появлении комиссара все головы на мгновение повернулись в его сторону. В беззвучной переключке метнувшихся глаз вспыхнула тревога, и головы ещё ниже склонились над стаканами жидкого чая.

— Добрый вечер, товарищи командиры! — как можно приветливее сказал Бельшев и, положив бескозырку на диванную полочку, весело и добродушно уселся на диван.

Но, садясь, он зорко следил за впечатлением от своего прихода, отразившимся на офицерских лицах. Некоторые просветлели — очевидно, приход комиссара не сулил ничего плохого, а сам

комиссар был всё же парень неплохой, отличный в прошлом матрос и не злой. Двое насупились ещё угрюмей. Это были кондовые, негнущиеся, ярые ревнители дворянских вольностей и офицерских привилегий, и самое появление комиссара в кают-компании и его независимое поведение резало как ножом их сердца.

Но этих было только двое. Остальные как будто оттаяли, и, следовательно, можно было говорить.

— Разрешите закурить, товарищ старший лейтенант? — вежливо обратился Бельшев к командиру.

Командир, не отрывая взгляда от стакана, словно искал в нём потерянное счастье, кивнул головой и глухо ответил:

— Прошу.

Бельшев достал папироску и неторопливо закурил. Он видел, что офицеры искоса наблюдают за струйкой дыма, вьющейся от его папиросы, и это сместило его. Он глубоко затянулся и внезапно сказал, как оторвал:

— Через час снимаемся.

Офицерские головы вздёрнулись, как будто всеми ими управляла одна нитка, и повернулись к комиссару. Штурман нервно звякнул ложкой о стакан и, передёрнув плечами, спросил:

— Позволено знать, куда?

— А почему ж не позволено, — беззлобно ответил Бельшев, —

Петроградский Совет приказал перевести крейсер к Николаевскому мосту, навести мост и восстановить движение, нарушенное контрреволюционными силами Временного правительства.

Штурман вздохнул и зазвякал ложкой. Жирный артиллерист, бывший прежде заправским весельчаком и не раз смешивший матросов забавными рассказами, а теперь потускневший и слинявший, словно его выкупали в щёлоке, не подымая головы, спросил напряжённо и зло:

— А приказ комфлота есть?

Бельшев пристально посмотрел на него.

— Проспали, товарищ артиллерист, — сказал он спокойно. — Командует флотом нынче революция, а в частности Военно-революционный комитет, которому флот и подчиняется.

— Не слышал, — ответил артиллерист, — я такого адмирала не знаю.

Артиллерист явно задирался и вызывал на скандал. Бельшев понял и, не отвечая, снова обратился к командиру:

— Товарищ старший лейтенант, прошу распорядиться.

Командир медленно поднялся. Руки его бессильно висели вдоль тела. Губы мелко дрожали. На него было жалко и смешно смотреть. Командир был выборный. Ещё в февральский переворот команда единогласно выбрала его на пост командира после убийства прежнего командира, шкуры, дракона и истязателя. Новый командир был либерал, ещё до революции читал матросам газеты и покрывал нелегальщину. Команда искренне любила его, как любила всякого, кто в жестокой каторге флота относился к номерному матросу, как к живому человеку. Команда и сейчас не утратила доброго чувства к этому тихому и мягкому интеллигенту. Но командир был выбит из колеи. Он был во власти полной раздвоенности и растерянности.

— Вы хотите вести крейсер к Николаевскому мосту?

— А то куда ж? — удивился Бельшев. — Как будто ясно сказано...

— Но... но... — командир тщетно искал убегающие от него слова, — но вы понимаете, товарищ Бельшев, что это... это невозможно?

— Почему? — тоном искреннего и наивного изумления спросил комиссар.

— Но дело в том... С начала войны расчистка реки в пределах города не производилась, — быстро заговорил командир, обрадованный тем, что уважительная причина технического порядка, прыгнувшая в мозг, даёт возможность правдоподобно и без ущерба для революционной репутации объяснить отказ. — Совершенно неизвестно, что происходит, на дне. Фарватер

представляет собой полную загадку. Я несу ответственность за крейсер как боевую единицу флота. Мы только что закончили ремонт и можем обратить корабль в инвалида, пропороть днище... Я... Я не могу взять на себя такой риск.

Артиллерист злорадно и весело кашлянул. Это было явное поощрение командиру. Но Бельшев оставался спокоен, хотя мысль работала быстро и ожесточённо. Он понимал, что командир сделал ловкий ход в политической игре. Это было похоже на любимую игру в домино, когда противник неожиданно поставит косточку, к которой у другого игрока нет подходящего очка. Можно, конечно, обозлиться, смешать косточки и прекратить игру, вызвав на подмогу команду, пригрозить. Но хороший игрок так не поступает, а Бельшев играл в «козла» отменно.

Он только искоса взглянул на артиллериста, и кашель завяз у того в горле.

Потом, обращаясь к командиру, Бельшев произнёс, напирая на слова:

— Соображение насчёт фарватера считаю правильным.

Офицеры переглянулись: неужели комиссар сдаст?

Но радость оказалась преждевременной. Сделав паузу, Бельшев продолжал:

— Крейсером рисковать нельзя, товарищ старлейт. Мы за него оба отвечаем. И я под расстрел тоже не охотник... Но приказ есть приказ. Мы: должны передвинуться к мосту. Через полчаса фарватер будет промерен и обвехован...

Он с трудом удержался от победоносной усмешки. Удар был рассчитан здорово. Командир проиграл. Ему некуда было приставить свою косточку. Он безнадёжно оставался «козлом». В кают-компании стало невыносимо тихо.

Бельшев взял бескозырку и пошёл к выходу. В дверях остановился и, оглядев растерянные лица офицеров, строго и резко закончил:

— Предлагаю от имени комитета товарищам командирам до окончания промера не выходить на палубу.

— Это что же? Арест? — вскинулся артиллерист.

— Ишь какой скорый! — засмеялся Бельшев. — Зачем? Нужно будет — успеем. Просто дело рискованное. Могут внезапно обстрелять, а я за вас, как за специалистов, вдвойне отвечаю. До скорого...

Дверь кают-компании захлопнулась за ним. Офицеры молчали. Это молчание нарушил штурман. Он покачал головой и, как бы разговаривая с самим собой, сказал вполголоса:

— А молодцы большевики, хоть и сукины дети!

Шлюпка покачивалась на чёрной воде у правого трапа. Расставив вооружённых матросов по левому борту, обращенному к территории завода, осмотрев лично пулемёты и приказав внимательно следить за всяким движением на берегу, Бельшев перешёл на правый борт к трапу. Четверо гребцов спускались в шлюпку. На площадке трапа стоял секретарь судового комитета, сигнальщик Захаров, застёгивая на себе пояс с кобурой. На груди у него висел аккумуляторный фонарик, заклеенный чёрной бумагой с проколотым в ней иглой крошечным отверстием. Узкий, как вязальная спица, лучик света выходил из отверстия.

— Готов, Серёга? — спросил Бельшев, кладя руку на плечо Захарова.

— А раньше? — ответил Захаров любимой прибауткой.

— Гляди в оба. На подходе к мосту будь осторожней. Я буду на баке у носового. Если обстреляют,

пускай ракету в направлении, откуда ведут огонь. Тогда мы ударим. Ну, будь здоров.

Они крепко сжали друг другу руки. Много соли было съедено вместе в это горячее времечко. И вот весёлый, лихой парень, товарищ и друг, шёл на тяжёлое дело за всех, где его могла свалить в ледяную невскую воду белая пуля.

У Бельшева защекотало в носу. Он быстро отошёл от трапа. Шлюпка отделилась от борта и беззвучно ушла в темноту. Комиссар прошёл на полубак. Длинный ствол носовой шестидюймовки, задравшись, смотрел в чернильное небо. Чуть различимые в темноте силуэты

орудийного расчёта жались друг к другу. Ночь дышала тревогой. Бельшев прошёл к гюйсштоку. Неразличимая пустыня воды глухо шепталась перед ним. За ней лежал город, чудовищно огромный, плоский, притаившийся. Город лощёных проспектов, дворцов, город гвардейских шинелей с бобровым воротниками, город министерских карет и банкирских автомобилей. Город, вход в который был свободен для породистых собак и закрыт для нижних чинов. Бельшев чувствовал, как этот город дышит ему в лицо всей своей гнилью и проказой. Этот город нужно было уничтожить, чтобы на месте его создать новый — здоровый, ясный, солнечный, широко открытый ветрам и людям.

Набережные были темны. Фонари не горели. Зыбкие и смутные тени передвигались за гранитными парапетами. Вдалеке, очевидно с петропавловских верков, полосовал сырую мглу бледно-синий меч прожектора. Он то взлетал ввысь, то рушился на воду, и тогда впереди проступали чёткие разлёты мостовых арок и вода стекленела, светясь.

Шаги сзади оторвали Бельшева от созерцания. Он оглянулся. Член судового комитета Белоусов торопливо подошёл к нему.

— Сейчас захватил в машинном кубрике эсеровского гада Лещенко. Разводит агитацию.

— Где? — спросил Бельшев, срываясь.

— Не беспокойся. Забрали и засунули в канатный ящик. Пусть там тросам проповедует.

— Смотрите вовсю. Чтоб не выкинули какой-нибудь пакости, — сурово сказал Бельшев.

— Комиссар, шлюпка возвращается, — доложил сигнальщик, острые глаза которого увидели в ночной черноте слабые очертания маленькой скорлупки.

— Ну хорошо... А то уж я боялся за Серёгу, — мягко и ласково сказал комиссар и направился к трапу.

Со взятой у Захарова картой промера фарватера, влажной от дождевой воды и речной сырости, Бельшев вернулся в кают-компанию. Едва взглянув на офицеров, комиссар понял: за время его отсутствия в кают-компании произошли какие-то события и офицерское настроение сильно изменилось. Офицеры уже не были похожи на кур, долго мокших под осенним ливнем. Они выпрямились, подтянулись, и в них чувствовалась какая-то решимость. Казалось, они опять стали военными.

Это удивило и встревожило комиссара. Но, не давая понять, что он обеспокоился переменой, Бельшев спокойно направился прямо к командиру и положил на стол перед ним карту.

На промокшей бумаге лиловели сложные зигзаги химического карандаша, которым Захаров прочертил линию благоприятных глубин.

— Вот, — сказал Бельшев, — фарватер есть! Не ахти какой приятный, конечно. Можно сказать, не фарватер, а гадючий хвост. Ишь как крутится. Но, между прочим, по всей провехованной линии имеем от двадцати до двадцати трёх футов. Значит, пройти вполне возможно, и ещё под килем хватит. В старое время штурмана друг другу полдюйма под килем желали, а у нас просто раздолье. С хорошим рулевым вывернемся. Начинайте съёмку.

— Офицеры имели возможность обсудить положение и уполномочили меня сообщить...

Тут командир захлебнулся словом и замолчал. Бельшев с усмешкой смотрел на его пляшущие по скатерти пальцы.

— Ну, что же господа офицеры надумали?

Командир вскинул голову, как будто его ударили кулаком под челюсть. Мгновенно покраснев до шеи и стараясь смело смотреть в глаза Бельшеву, он сказал:

— Поскольку мы понимаем, что перевод крейсера к мосту является одним из актов намеченного политическими партиями плана захвата власти, офицеры крейсера, готовые в любое время выполнить свой боевой долг в отношении внешнего врага, считают себя не вправе вмешиваться в политическую борьбу внутри России. Поэтому... вследствие этого мы... — командир начал запинаться,

— мы заявляем, что в этой борьбе мы соблюдаем нейтралитет...

— Так... так... — сказал Бельшев беззлобно, кивая головой, и командир покраснел ещё гуще.

— Мы ни за какую политическую партию...

Мы за Россию... Мы против большевиков тоже выступать не будем...

Бельшев сделал шаг вперёд и положил свою тяжёлую ладонь на плечо командира. От неожиданного этого прикосновения старший лейтенант вздрогнул и молниеносно сел, как будто он был гвоздём и сильный удар молотка с маху вогнал его в кресло. Было ясно, что он испугался.

— Ещё бы вы против большевиков выступили! Я так думаю, что у вас и против своей тёщи пороку не хватит, — презрительно, но так же беззлобно обронил комиссар и, помолчав немного, покачал головой. — Эхма, а я-то думал, что вы всё-таки офицеры. А вы вроде как мелкая салака...

— Ну, ну... комиссар. Просил бы полегче, — ехидно вставил артиллерист. —

Посмотрим ещё, какая из тебя осетрина выйдет.

То, что артиллерист не трусил, понравилось комиссару. Озлобления у офицеров явно не было. Была полная и жалкая растерянность, которой сами офицеры стыдились. И то, что артиллерист обратился к комиссару на «ты», тоже было неплохим признаком. Пренебрежительное выканье было бы хуже. Ясно одно: офицеры помогать не станут, но и мешать не рискнут. Бельшев усмехнулся артиллеристу.

— Навару с меня в ухе, конечно, поменьше, чем с тебя будет, — кинул он, тоже обращаясь на «ты» и как бы испытывая этим настроение.

Если артиллерист обидится — значит, он, Бельшев, ошибся насчёт настроения. Но артиллерист не реагировал. Тогда комиссар отошёл к дверям, захватив карту.

— Поскольку разговор зашёл за нейтралитет, команда не считает нужным применять насилие. Вольному — воля, а вам, господа офицеры, до выяснения обстоятельств придётся посидеть под караулом. Прошу прощения... Что же касается корабля, авось сами справимся. Счастливи!..

Была полночь. На баке глухо зарокотал якорный шпиль, и канат правого якоря, заведённого в реку, натягиваясь, вздрагивая, роняя капли, медленно пополз в клюз.

Бельшев стоял на мостике. Отсюда лежащий под ногами корабль казался громадным, враждебно настроенным, поджидающим промаха комиссара. Жёлтый круг от лампочки падал на штурманский столик, на карту промера. Тёмный профиль Захарова, склонившегося над картой, чётко выделялся на бумаге. Карандаш в крепких пальцах Захарова медленно полз по фарватерной линии и, казалось, готов был сломаться.

— Нет, — сказал вдруг комиссар злобно и решительно, — не выйдет эта чертовщина...

— Ты про что? — Захаров оторвался от карты и поглядел на Бельшева.

— Пойми ты, чёртова голова: если запорем корабль, что тогда делать станешь?

Захаров помолчал.

— А что будешь делать, если не выполним

приказ Совета? Одно на одно... Так, выходит, риск —

благородное дело... Да ты не дрейфь, Шурка. Рулевых я лучших поставил. Орлы, а не рулевые. А я как-нибудь управлюсь. Насмотрелся за четыре года на дело, невесть какая мудрятина по ровной воде корабль провести.

Бельшев выругался. Действительно, другого выхода не было. Если Серёга берётся, может, и выйдет. Парень он толковый.

Мостик затрепетал под его ногами. Очевидно, в машинном отделении проворачивали машину. Знакомая эта дрожь, оживлявшая крейсер, делавшая его разумным существом, ободрила комиссара. Он подошёл к машинному телеграфу, нажал педаль и вынул пробку из переговорной трубы.

— Василий, ты? Здорово... Сейчас тронемся.

Крейсер уже отделился носом от стенки. Вода медленно разворачивала его поперёк реки. Пора

было давать ход. Бельшев перевёл ручку машинного телеграфа на «малый вперёд». Палуба снова вздрогнула. В это мгновение на мостик выскочил из люка вооружённый винтовкой матрос.

— Товарищ комиссар... Бельшев! — закричал он.

— Чего орёшь? — недовольно отозвался комиссар. — Тишину соблюдай.

— Товарищ комиссар! Арестованный командир просит немедленно прийти к нему.

— Чёрта ему, сукиному сыну, надо! — выругался Бельшев. — Скажи — некогда мне к нему таскаться. Пусть ждёт, пока операция кончится. Раньше надо было думать.

Матрос замялся.

— Как бы чего не вышло, Бельшев, — сказал он, потянувшись к уху комиссара. — Вроде, понимаешь, как не в себе командир. Плачет.

— Тьфу, анафема! — сплюнул Бельшев. — Волоки его, гада, сюда. Сам понимаешь, не могу уйти с мостика.

Матрос нырнул в люк. Крейсер набирал ход, выходя на середину реки. Кругом была непроходимая тьма. Голос Захарова сказал рулевым:

— Вон Исаакия макушка поблёскивает. На неё правь пока... Одерживай!

— Есть одерживать, — в один голос отозвались рулевые.

Минуту спустя на мостике появился командир в сопровождении конвоира. Шинель командира была растёгнута, фуражка висела на затылке. Даже в темноте глаза командира болезненно блестели.

— Я не могу, — заговорил он ещё на ходу, — я не могу допустить аварии корабля. Я люблю свой корабль, я... я помогу вам провести его к мосту, но после этого прошу освободить меня от дальнейшего участия в военных действиях...

Бельшев смотрел на искажённое лицо, слабо освещенное отблеском лампочки над штурманским столиком. Он хорошо понимал командира. Он мог бы много сказать ему сейчас. Но разговаривать было некогда. В конце концов, и это большая победа. И Бельшев просто сказал:

— Ладно... Вступайте...

Лейтенант шатнулся, всхлипнул, но через секунду выпрямился, и голос его зазвучал по-командирски уверенно, когда он скомандовал рулевым, наклонившись над картой:

— Лево руля!.. Так держать!..

На середине реки внезапно налетел ветер, и хлынул проливной дождь. Всё закрылось сетью мечущихся нитей. С мостика не стало видно полубака.

Сигнальщики, подняв воротники бушлатов, поминутно протирали глаза. Крейсер, извиваясь по фарватеру, медленно полз вперёд. Мост должен был быть совсем близко, но впереди лежала та же непроглядная серая муть. Того и гляди, «Аврора» врежется в пролёт.

— Мо-ост! — диким голосом рявкнул первый, угадавший в темени смутные очертания быков.

— Тише! — шикнул Бельшев. — Весь город всполошишь.

Под рукой командира зазвенел машинный телеграф. Сначала «самый малый», потом «полный назад». Судорога машин потрясла крейсер.

— Отдать якорь!

Тяжёлый всплеск донёсся спереди. Резко и пронзительно завизжал ринувшийся вниз якорный канат. «Аврора» вздрогнула и остановилась.

Командир отошёл от тумбы телеграфа и, закрыв лицо руками, согнувшись, пошёл к трапу.

Бельшев не останавливал его. Теперь командир был не нужен.

— Прожектор на мост! — приказал комиссар.

Над головой на площадке фор-марса зашипело, зафыркало, замигало синим блеском. Стремительный луч рванулся вперёд, прорывая дождевую мглу. Выступили быки и фермы. Слева у берега крайний пролёт был пуст.

— Разведён, — злобно вымолвил Бельшев, стиснув зубы и сжимая в кармане наган. Он

вспомнил фразу из приказа Совета: *«Восстановить движение всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами»*. Он шумно вздохнул и посмотрел вниз на поднявшиеся стволы носовых пушек. Они застыли, готовые к бою.

Бельшев поднял к глазам тяжёлый ночной бинокль. В окулярах мост выступил выпукло и совсем близко. Стоило вытянуть руку, и можно было коснуться мокрого железа перил. За ними жались ослеплённые молнией прожектора маленькие фигурки в серых шинелях. Комиссар различал даже жёлтые вензеля на белых погонах гвардейских училищ.

Он опустил бинокль и снял с распорки мегафон. Приставил его ко рту.

Мегафон взревел густым и устрашающим рёвом.

— Господа юнкерье, — рычало из раструба мегафона, — именем Военно-революционного комитета предлагается вам разойтись к чёртовой матери, покуда целы. Через пять минут открываю по мосту орудейный огонь.

На мосту мигнул огонёк и ударил едва слышный одинокий выстрел. Пряча усмешку, Бельшев увидел, как юнкера кучкой бросились к стрелявшему и вырвали у него винтовку. Потом, спеша и спотыкаясь, они гурьбой побежали к левому берегу, к Английской набережной, и их фигуры потонули там, слизанные тьмой. Мост опустел.

— Вот так лучше, — засмеялся комиссар, поведя плечами. —

Тоже вояки не нашего бога.

Он повернулся к Захарову и властно, как привыкший командовать на этом мостике, приказал:

— Вторую роту наверх с винтовками и гранатами. Катера на воду. Высадить роту и немедленно навести мост.

Запел горн. Засвистели дудки. По трапам загремели ноги. Заскрипели шлюпбалки. Вытянувшись по течению, в пронизанном нитями ливня мраке «Аврора» застыла у моста, неподвижная, чёрная, угрожающая.

День настал холодный и ветреный. Нева вздувалась. Навстречу тяжёлому ходу её вод курчавились жёлтые пенистые гребни. Летела срываема порывами вихря водяная пыль.

Город притих, обезлюдевший, мокрый. На улицах не было обычного движения. С мостика линии Васильевского острова казались опустелыми каменными ущельями.

С левого берега катилась ружейная стрельба, то затихавшая, то разгоравшаяся. Иногда её прорезывали гулкие удары — рвались ручные гранаты. Однажды звонко и пронзительно забила малокалиберная пушка, очевидно с броневика. Но скоро смолкла.

Это было на Морской, где красногвардейские и матросские отряды атаковали здание главного телеграфа и телефонную станцию.

С утра Бельшев беспрерывно обходил кубрики и отсеки, разговаривая с командой. Аврорцы рвались на берег. Им хотелось принять непосредственное участие в бою.

Стоянка у моста, посреди реки, раздражала и волновала матросов. Им казалось, что их обошли и забыли, и стоило немалого труда доказать рвущимся в бой людям, что крейсер представляет собой ту решающую силу, которую пустят в дело, когда настанет последний час.

Среди дня по Неве мимо «Авроры» прошла вверх на буксире кронштадтского портового катера огромная железная баржа, как арбузами, набитая военморами. Команда «Авроры» высыпала на палубу и облепила борта, приветствуя кронштадтцев, земляков и друзей. На носу баржи играла гармошка и шёл весёлый пляс. Оттуда громадный, как памятник, красивый сероглазый военмор гвардейского экипажа зарычал:

— Эй, аврорские! Щи лаптем хлебаете? Отчаливай на берег с Керенским танцевать.

Баржа прошла под мост с гамом, присвистом, с отчаянной матросской песней и пришвартовалась к спуску Английской набережной. Военморы густо посыпали из неё на берег. Аврорцы с завистью смотрели на разбегающихся по набережной дружков. Но

покидать корабль было нельзя, и команда поняла это, поняла свою ответственность за исход боя.

С полудня Бельшев неотлучно стоял на мостике. С ним был Захаров и другие члены судового комитета. Офицеры отлёживались по каютам, и у каждой двери стоял часовой.

В два часа дня запыхавшийся радист, влетевший на мостик, ткнул в руки Бельшева бланк принятой радиogramмы. Глаза радиста и его щёки пылали. Бельшев положил бланк на столик в рубке и нагнулся над ним. Через его плечо смотрели товарищи. Глаза бежали по строчкам, и в груди теплело с каждой прочтённой буквой:

«Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, — это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

Бельшев выпрямился и снял бескозырку. С обнажённой головой он подошёл к обвесу мостика. Под ним на полубаке стояла у орудий не желавшая сменяться прислуга. По бортам лепились группы военморов, оживлённо беседующих и вглядывающихся в начинающий покрываться сумерками город.

С точки зрения боевой дисциплины, это был беспорядок. Боевая тревога была сыграна ещё утром, и на палубе не полагалось быть никому, кроме орудийных расчётов и аварийно-пожарных постов. Но Бельшев понимал, что сейчас никакими силами не уберёшь под стальную корку палуб, в низы, взволнованных, горящих людей, пока они не узнают главного, чего они так долго ждали, ради чего они не покидают палубы, не замечая времени, забыв о пище.

Он вскочил на край обвеса, держась за сигнальный фал.

— Товарищи!

Головы повернулись к мостику. Узнав комиссара, команда сдвинулась к середине корабля. Задранные головы замерли неподвижно.

— Товарищи, — повторил Бельшев, и голос его сорвался на мгновение. — Временное правительство приказало кланяться... Большевики взяли власть! Советы — хозяева России! Да здравствует Ленин! Да здравствует большевистская партия и наша власть!

Сотней глоток с полубака рванулось «ура», и, как будто в ответ ему, от Сенатской площади часто и трескуче отозвались пулемёты. Было ясно, что там, на берегу, ещё дерутся. Бельшев сунул бланк радиogramмы в карман.

— Расчёты к орудиям! Лишние вниз! Все по местам!

Команда хлынула к люкам. Скатываясь по трапам, аврорцы бросали последние жадные взгляды на город. Полубак опустел. Носовые пушки медленно повернулись в направлении доносящейся стрельбы, качнулись и стали.

Опять наступила чернота октябрьской ветреной ночи. От Дворцового моста доносилась всё усиливающаяся перестрелка. Чёрной и мрачной громадой выступал за двумя мостами Зимний дворец. Только в одном окне его горел тусклый жёлтый огонь. Дворец императоров казался кораблём, погасившим все огни, кроме кильватерного, и приготовившимся тайком сняться с места и уйти в последнее плавание.

Судовой комитет оставался на мостике. Офицеры по-прежнему сидели под арестом, кроме командира и вахтенного мичмана. Командир, прочтя радиogramму, сказал, что, поскольку правительство пало, он считает возможным приступить к выполнению обязанностей. Мичману просто стало скучно в запертой каюте, и он попросился наверх, к знакомому делу.

Стиснув пальцами ледяной металл стоек, Бельшев не отрываясь смотрел в сторону петропавловских верков, откуда должна была взлететь условная ракета. По этой ракете

«Авроре» надлежало дать первый холостой залп из носовой шестидюймовки.

Там было темно. Когда от дворца усиливался пулемётный и винтовочный треск, небо над зданиями розовело, помигивая, и силуэты зданий проступали чётче. Потом они снова расплывались.

Сзади подошёл Захаров.

— Не видно? — спросил он.

— Нет, — ответил Бельшев.

— Скорей бы! Канителяются очень.

Бельшев ответил не сразу. Он посмотрел в бинокль, опустил его и тихо сказал Захарову:

— Пройди, Серёга, к носовому орудью, последи, чтоб на палубе не было ни одного боевого патрона. Потому что приказано, понимаешь, дать холостой, а ни в коем случае не боевой.

А я боюсь, что ребята не выдержат и дунут по-настоящему.

Захаров понимающе кивнул и ушёл с мостика. Бельшев продолжал смотреть.

Вдруг за Дворцовым мостом словно золотая нитка прошла тёмную высь и лопнула ярким, бело-зелёным сполохом.

Бельшев отступил на шаг от обвеса и взглянул на командира. Глаза лейтенанта были пустыми и одичалыми, и Бельшев понял, что командир сейчас не способен ни отдать приказание, ни исполнить его. Мгновенная досада и злость вспыхнули в нём, но он сдержался. В конце концов, что требовать, от офицера? Хорошо и то, что не сбежал, не предал и стоит вот тут, рядом.

И, ощутив в себе какое-то новое, неизданное доселе сознание власти и ответственности, Бельшев спокойно отстранил поникшую фигуру лейтенанта и, перегнувшись, крикнул на бак властно и громко:

— Носовое... Залп!

Соломенно-жёлтый блеск залил полубак, чёрные силуэты расчёта, отпрянувшее в отдаче тело орудия. От гулко-удар качнулась палуба под ногами. Грохот выстрела покрыл все звуки боя своей огромной мощью.

Прислуга торопливо заряжала орудие, и Бельшев приготовился вторично подать команду, когда его схватил за руку Захаров.

— Отставить!

— Что? Почему? — спросил комиссар, не понимая, почему такая невиданная улыбка цветёт на лице друга.

— Отставить! Зимний взят! Но наш выстрел не пропадёт. Его никогда не забудут...

И Захаров крепко стиснул комиссара горячим братским объятием.

Внизу, по палубе, гремели шаги. Команда вылетела из всех люков, и неистовое «ура» катилось над Невой, над внезапно стихшим, понявшим своё поражение старым Петроградом.

РАЗВЕДЧИК ВИХРОВ

Он стоял перед капитаном — курносый, скуластый, в куцем пальтишке с рыжим воротником из шерстяного бобрика. Его круглый носик побагровел от студёного степного суховея. Обшелушённые, посинелые губы неудержимо дрожали, но тёмные грустные

глаза пристально и почти строго смотрели в лицо капитана.

Он, казалось, не замечал и не обращал внимания на краснофлотцев, которые, любопытствуя, обступили его, необычного тринадцатилетнего гостя батареи — этого сурового мира взрослых, опалённых порохом людей. Обут он был не по погоде: в серые парусиновые туфли, протёртые на носках, — и всё время переминался с ноги на ногу, пока капитан читал препроводительную записку, принесённую из штаба участка связным краснофлотцем, приведшим мальчика.

«...был задержан на рассвете у переднего края постом наблюдения... по его показаниям — в течение двух недель собирал сведения о немецких частях в районе совхоза «Новый путь»... направляется к вам, как могущий дать ценные данные батарее...»

Капитан сложил записку и сунул её за борт полушубка. Мальчик продолжал спокойно и выжидательно смотреть на него.

— Как тебя зовут?

Мальчик откинул голову, выпрямился и попытался щёлкнуть каблуками, но его лицо дрогнуло и перекошилось от боли, он испуганно глянул на свои ноги и понурился.

— Коля... Николай Вихров, товарищ капитан, — поправился он.

Капитан тоже посмотрел на его ноги, на порванные туфли и поёжился от озноба.

— Мокроступы у тебя не по сезону, товарищ Вихров. Ноги застыли?

— Немножко, — застенчиво и печально сказал мальчик и ещё больше потупился.

Он изо всех сил старался держаться бодро. Капитан подумал о том, как он шёл всю ночь в этих туфлях по железной от мороза степи, и невольно пошевелил пальцами в своих высоких тёплых бурках. Погладив мальчика по лиловой щеке, он мягко сказал:

— Не грусти! У нас другая мода на обувь... Лейтенант Козуб!

Выскочив из-за кучки краснофлотцев, маленький весёлый лейтенант козырнул капитану.

— Прикажете баталёру немедленно подыскать и доставить ко мне в каземат валенки самого малого размера.

Козуб рысью помчался исполнять приказание. Капитан тронул мальчика за плечо:

— Пойдём в мою хату. Обогреешься — поговорим.

В командирском каземате, треща и гудя, пылала печь. Дневальный помешивал кочерёжкой прозрачные, налитые золотым жаром головешки. Розовые зайчики гонялись друг за другом по стене. Капитан снял полушубок и повесил у двери. Мальчик, озираясь, стоял у притолоки. Вероятно, его поразила сводчатая уютная подземная комната, сверкающая белизной риполина, залитая сильным светом подволочной лампы.

— Раздевайся, — предложил капитан, — у меня жарко, как в Артеке на пляже. Грейся!

Мальчик сбросил пальтишко, аккуратно свернул его подкладкой наружу и, привстав на цыпочки, повесил поверх капитанского полушубка. Капитану, наблюдавшему за ним, понравилась эта бережливость к одежде. Без пальто мальчик оказался головастым и худым. И капитан подумал, что он долго и крепко недоедал.

— Садись. Сперва закусим, потом дело. А то ты натошак, пожалуй, и рта не раскроешь. Чай любишь крепкий?

Капитан доверху налил толстую фаянсовую чашку тёмной ароматной жидкостью, неторопливо отрезал ломоть буханки, намазал на него масла в палец толщиной и увенчал это сооружение пластом копчёной грудинки. Мальчик почти испуганно смотрел на этот гигантский бутерброд.

— Не пугайся, — сказал капитан, подвинув тарелку, — клади сахар.

И он толкнул по столу отпилоч шестидюймовой гильзы, набитый синеватыми, искрящимися кусками рафинада. Мальчик посмотрел на него испытующим, осторожным взглядом, выбрал кусочек поменьше и положил рядом с чашкой.

— Ого! — засмеялся капитан. — Это не по правилам. У нас, брат, так чай не пьют. У нас заправляют на полный заряд. А это только порча напитка.

И он с плеском бросил в кружку увесистую глыбу сахара. Худенькое лицо мальчика неожиданно сморщилось, и на стол закапали огромные, неудержимые слёзы. Капитан

тяжело вздохнул, придвинулся и обнял гостя за костлявые плечи.

— Полно! — произнёс он весело. — Брось! Что там было, то было, тут тебя никто не обидит. У меня, понимаешь, у самого вот такой же малец дома остался. Вся и разница, что Юркой зовут. А то всё такое же — и веснушки, и нос пуговицей.

Мальчик быстрым и стыдливым жестом смахнул слёзы.

— Я ничего, товарищ капитан... Я не за себя разругился... Я стойкий. А вот маму вспомнил...

— Вон что, — протянул капитан, — так мама жива?

— Жива. — Глаза мальчика засветлели. — Только голодно у нас. Мама по ночам у немецкой кухни картофельные ошурки подбирает. Но раз часовой застал. По руке прикладом хватил. До сих пор рука не гнётся.

Он стиснул губы, и из глаз его уплыла детская мягкость. Они блеснули остро и жёстко. Капитан погладил его по голове.

— Потерпи! Выручим маму и всех выручим. Ложись вздремни.

Мальчик умоляюще посмотрел на него.

— Я не хочу... Потом. Сперва расскажу про них.

В его голосе прозвучал такой накал упорства, что капитан не стал настаивать. Он пересел к другому краю стола и вынул блокнот.

— Ладно, давай,.. Сколько, по-твоему, немцев в районе совхоза?

Мальчик мотнул головой и сказал быстро без запинки:

— Пехоты один батальон. Баварцы. Сто семьдесят шестой полк двадцать седьмой пехотной дивизии. Прибыл на фронт из Голландии.

— О! Откуда ты знаешь? — спросил капитан, удивлённый обстоятельностью и точностью ответа.

— А как же! Я ж цифры на погонах смотрел. И слушал, как они разговаривали. Я по-немецки могу, я в школе хорошо учился... Рота мотоциклистов-автоматчиков. Взвод средних танков на свиноферме. По северному краю бахчи стрелковые окопы полного профиля. Танковое вооружение — калибр примерно пятьдесят миллиметров. Два дота у них там. Здорово укрепились, товарищ капитан. Десять дней грузовиками цемент таскали. Сто девять грузовиков ввалили. Я из окошка подглядывал.

— Можешь точно указать расположение дотов? — спросил капитан, подаваясь вперёд. Он понял, что перед ним сидит не обыкновенный мальчик, от которого можно узнать только самые общие сведения, а очень зоркий, сознательный и точный разведчик.

— Конечно, могу... Первый — на бахче, за старым током, где курганчик. А другой...

— Стоп! — прервал капитан. — Это здорово, что ты всё так рассмотрел и запомнил. Но, понимаешь, мы же в твоём совхозе не бывали и не жили. Где бахча, где ток, нам неизвестно. А береговые десятидюймовые пушки, дружок, — не игрушка. Начнём наугад гвоздить, много лишнего попортить можем без толку, пока в точку угодим. А там ведь и наши люди есть... И мама твоя... Ты нарисовать это сумел бы?

Мальчик вскинул голову. В его взгляде было, недоумение,

— Так разве у вас, товарищ капитан, карты нет?

— Карта есть... Да ты в ней разберёшься ли?

— Вот ещё, — сказал мальчик с негодованием. — Папа же мой — геодезист. Я сам карты чертить могу. Не очень чисто, конечно... Папа теперь тоже в армии, у сапёров командир, — добавил он с гордостью.

— Выходит, что ты не мальчик, а клад, — пошутил капитан, развёртывая на столе штабную полукилометровку.

Мальчик встал коленками на стул и нагнулся над картой. Он долго смотрел, потом лицо его просияло, и он ткнул в карту пальцем.

— Да вот же! — сказал он, счастливо улыбаясь. —
Как на ладошке. Карта у вас какая хорошая! Подробная, как план. Всё
видно. Вот тут, за оврагом, и есть старый ток.

Он безошибочно разобрался в карте, и вскоре частокол красных крестиков, нанесённых
рукой капитана, испятнал карту, засекая цели. Капитан удовлетворённо откинулся на
спинку стула.

— Очень хорошо, Коленька! — Он одобрительно погладил руку мальчика. —
Просто здорово!

И, почувствовав непосредственную сердечность ласки, мальчик, на мгновение
вернувшись в детство, по-ребячьи нежно прижался щекой к капитанской ладони. Капитан
грустно покачал головой и сложил карту.

— А теперь, товарищ Вихров, в порядке дисциплины — спать!

Мальчик не сопротивлялся. Сытная еда, тепло и только что законченная работа клонили его
ко сну. Ресницы его слипались. Он сладко зевнул. Капитан уложил его на койку и накрыл
полушубком. Мальчик мгновенно заснул. Капитан
постоял над ним в раздумье, вспоминая сына и жену, вернулся к столу и сел за
составление исходных расчётов для огня. Он увлёкся и не замечал времени. Тихий оклик
заставил его оглянуться. Мальчик сидел на койке. Лицо у него было тревожное.

— Товарищ капитан, который час?

— Спи! Плюнь на время. Начнётся тарарам — разбудим.

Но мальчик не успокоился. Его лицо потемнело. Он заговорил настойчиво и торопясь:

— Нет, нет! Мне же назад надо! Я маме обещал. Она будет думать, что меня
убили. Как стемнеет, я пойду.

Капитан изумился. Он не допускал и мысли, что мальчик собирается снова проделать
страшный путь по ночной степи, который случайно удался ему однажды. Капитану
показалось, что его гость ещё не совсем проснулся и говорит спросонок.

— Чепуха! — сказал он. — Кто это тебя пустит? Если даже не попадёшься немцам,
то можешь случайно угодить в совхозе под наши снаряды.
Только об этом я мечтал, чтоб тебя ухлопать в благодарность. Не дури! Спи!

Мальчик насупился и покраснел.

— Я немцам не попадусь. Они по ночам не ходят. Мороза боятся, дрыхнут. А я каждую
тропочку наизусть... Пожалуйста, пустите!

Он просил упрямо и неотступно, почти испуганно, и капитану на мгновение пришла
мысль: «А что, если вся эта история с появлением мальчугана и его рассказ — обдуманная
комедия и обман?» Но, взглянув в ясные, печальные глаза, он устыдился своего
подозрения.

— Вы же знаете, товарищ капитан, немцы никому не позволяют уходить из
совхоза. Нагрянут случайно для проверки — меня нет, они на маме выместят.

В его голосе слышалась недетская тоска. Он явно волновался за судьбу матери.

— Не нервничай! Всё понял, — сказал капитан, вынимая часы. — То, что думаешь о
маме, — это очень хорошо... Сейчас шестнадцать тридцать. Мы пройдемся с тобой на
наблюдательный пункт и ещё раз сверим всё. А когда стемнеет, я обещаю, что ребята тебя
проводят как можно дальше. Ясно?

На наблюдательном пункте, вынесенном к пехотным позициям, капитан сел к
дальномеру. Он увидел холмистую крымскую степь, покрытую серо-жёлтыми полосами
снега, нанесённого ветрами в балочки. Рябиновый свет заката умирал над степью. На
горизонте темнели узкой полоской сады далёкого совхоза. Капитан долго разглядывал
массивы этих садов и белые крапинки зданий между ними. Потом подозвал мальчика:

— А ну-ка, взгляни! Может, маму увидишь.

Улыбнувшись шутке, мальчик нагнулся к окулярам. Капитан медленно ворочал
штурвальчик горизонтальной наводки, показывая гостю панораму родных мест. Внезапно
мальчик, ахнув, отшатнулся от окуляра и затеребил рукав капитана.

— Скворечня! Моя скворечня, товарищ капитан. Честное пионерское!

Удивлённый капитан заглянул в окуляр. Над сеткой оголённых тополиных верхушек, над зелёной крышей в пятнах ржавчины темнел крошечный квадратик на высоком шесте. Капитан видел его очень отчётливо на тёмно-серой ткани туч. Он поднял голову и несколько минут просидел, сдвинув брови. Неясная мысль, возникшая в его мозгу при виде скворечни, становилась всё устойчивее. Он взял мальчика под руку, отвёл его в сторону и тихо заговорил с ним.

— Понял? — спросил он, окончив разговор, и мальчик, весь просияв, кивнул головой.

Небо потемнело. С моря потянуло колючим холодком зимнего ветра. Капитан повёл мальчика по ходу сообщений на передний край. Там он рассказал вкратце всё дело командиру роты и просил скрытно вывести мальчика на подходы к совхозу. Два краснофлотца канули с мальчиком в темноту, и капитан смотрел вслед, пока не перестали белеть новые валенки, принесённые из баталёрки по приказанию капитана. Было тихо, но капитан тревожно вслушивался — не загремят ли неожиданные выстрелы. Выждав с полчаса, он ушёл к себе на батарею.

Ночью ему не спалось. Он пил много чаю и читал. Перед рассветом пошёл на наблюдательный пункт. И как только в серой дымке наступающего дня различил тёмный квадратик на шесте, к нему пришло хорошее боевое спокойствие. Он подал команду. Ахнув над степью грузным ударом, прокатился пристрелочный залп башни. Его гром долго висел над пустой степью. Капитан, не отрываясь, смотрел в окуляры и увидел ясно, как качнулся на шесте тёмный квадратик. Дважды... и после паузы в третий раз.

— Перелёт... вправо, — перевёл капитан и скомандовал поправку.

На этот раз скворечня осталась неподвижной, и капитан перешёл на поражение обеими башнями. С привычной зоркостью артиллериста он видел, как в туче разрывов полетели кверху глыбы бетона и брёвна. Он усмехнулся и после трёх залпов перенёс огонь на следующую цель. И снова скворечня вела с ним дружеский разговор на понятном только ему языке. В третью очередь огонь обрушился туда, где красный крестик на карте отметил склад горючего и боезапасов. На этот раз капитан накрыл цель с первого залпа. Над горизонтом пронеслась широкая полоса бледного пламени. Могучей, курчавящейся шапкой встал дым, пепельный, коричневый, озарённый снизу молниями. В нём исчезло всё: деревья, крыши, шест с тёмным квадратиком. Взрыв потряхнул почву, как землетрясение, и капитан с тревогой подумал о том, что он натворил в совхозе.

Запищал зуммер. С рубежа просили прекратить огонь. Моряки вышли в атаку и уже рвались в немецкие окопы. Тогда капитан передал команду Козубу, вскочил в приготовленный мотоцикл и в открытую помчался по полю. Его гнало нетерпение. От совхоза доносились пулемётный треск и щелчки гранат. Немцы, ошеломлённые мощью и меткостью огневого удара батареи, потеряв опорные точки, сопротивлялись слабо и отходили. Бросив мотоцикл, капитан открыто побежал полем к околице по тому месту, где накануне появление человека вызывало шквал свинца. С околицы уже мигали весёлые красные огоньки семафорных флажков, докладывая об отходе противника. Над садами плыл серебристый дым горящего бензина, и в нём глухо рычали рвущиеся боезапасы. Капитан торопился к зелёной крыше, среди надломленных тополей. Ещё издали он увидел у калитки вышедшую женщину, закутанную в платок. За её руку держался мальчик. Увидев бегущего капитана, он рванулся ему навстречу. Капитан с ходу подхватил его, вскинул в воздух и стал целовать в щёки, в губы, в глаза. Но мальчику, видимо, не хотелось в эту минуту быть маленьким. Он изо всех сил упирался руками в грудь капитана и рвался из его объятий. Капитан выпустил его.

Коля отступил и с нескрываемой гордостью, приложив руку к шапке, доложил:

— Товарищ капитан, разведчик батареи Николай Вихров боевое задание выполнил.

— Молодец, Николай Вихров, — сказал капитан, — благодарю за службу!

Подошедшая женщина с потухшими глазами и усталой улыбкой застенчиво протянула

руку капитану.

— Здравствуйте! Он так вас ждал! Так ждал... Мы все ждали. Спасибо вам, родные!

Она поклонилась капитану глубоким русским поклоном. Коля переводил взгляд с матери на капитана и улыбался.

Отлично справился!.. А небось страшновато было на чердаке, когда снаряды п осыпались? — спросил капитан, привлекая его к себе.

— Ой! Как ещё страшно, товарищ капитан, — ответил мальчик чистосердечно-наивно, — как первые снаряды ударили — всё зашаталось, вот-вот провалится. Я чуть с чердака не махнул.

Только стыдно стало. Дрожу, а сам себе говорю: «Сиди! Сиди! Не имеешь права!» Так и досидел, пока боезапас рванул... Тогда сам не помню, как вниз скатился!

Он захлебнулся от наплыва ощущений, сконфузился и уткнулся лицом в полушубок капитана, маленький русский человек, тринадцатилетний герой с большим сердцем, сердцем своего народа.

ВНУК СУВОРОВА

Сержант Горюнов лежал на прибрежном песке лицом вниз, половиной тела на суше, ногами в воде. Одна рука его была вытянута вперёд, другая — подмята под туловище, и на светло-золотой поверхности песка запеклось ржавое пятно. Глаза Горюнова были закрыты, и во всей позе была такая мёртвая неподвижность, что серенькая птичка, которая вприпрыжку бегала по песку в поисках пищи, нахально остановилась у самой его головы, скосила чёрную бисеринку глаза и сказала скороговоркой;

— Утоп-топ-топ...

Тогда Горюнов внезапно поднял голову, сердито взглянул вслед испуганно вспорхнувшей птахе и, скривив запёкшиеся губы, буркнул:

— Врёшь, капля! Ничего не утоп... Ещё поживём!

Он повернулся и сел, придерживая здоровой — правой — рукой гудящую и упрямо падающую на грудь голову. И, как сквозь туман, вспомнил всё.

В шлюпку, которой он командовал на переправе, угодил немецкий снаряд, когда она была совсем уже близко от берега, куда перевозила мотки телефонного кабеля. Горюнов только услышал вой снаряда и увидел слепящую вспышку. Грохота разрыва он, должно быть, не слышал потому, что опередил звук и ушёл под воду, с силой вдавленный в глубину ударом воздушной волны. Как он добрался после этого до берега, он вспомнить не мог.

Горюнов взглянул на реку. Тёмно-серая, рябая от холодного дождя, она медленно несла вниз мутную воду, и на ней не было признака шлюпки и её команды — четверых дружков-связистов. Горюнов вздохнул и попытался встать, опираясь на руки, но левая подкосилась, и он опять упал лицом в песок, заскрипев зубами от боли. Горюнов взглянул на руку и только сейчас увидел разодранный рукав гимнастёрки, кровь и разорванное мясо ниже плеча. Он удивлялся, как ему удалось выплыть. Но удивляться было некогда. Нужно было перевязать рану и что-то делать дальше. Морщась и ругаясь, он достал из кармана индивидуальный пакет. Провощённая бумага выдержала купание. Горюнов

вытащил из ножен финку, отрезал у плеча рукав гимнастёрки и сдёрнул его с руки. Разорвав зубами пакет, наложил подушечку на разорванные мускулы и туго забинтовал руку. Почувствовав наплывающую муть обморока, снова прилёг, глубоко дыша, пока не полегчало.

Тогда он решительно встал на ноги и прислушался. Сквозь мерный шум дождя глухо доносился грохот стрельбы, и Горюнов понял, что, пока он лежал на берегу, бой ушёл далеко вперёд. Возвращаться на свой берег он не мог. Одолеть всю ширину реки с недееспособной рукой было не по силам. Оставалось догнать ушедшее с боем подразделение. Кстати, там можно будет найти санпункт, где как следует перевяжут руку. Горюнов устроил из куска найденной в кармане проволоки подвеску для раненой руки и, пошатываясь, пошёл в направлении стрельбы. Дождь усиливался, поливая и без того мокрого до нитки Горюнова. Его начало знобить. Он пожалел, что в разбитой шлюпке осталась маленькая фляжечка с заветным содержимым, и пошёл быстрее, чтобы согреться.

Размокшая чёрная луговая земля скользила под ногами, идти было тяжело, и Горюнов облегчённо вздохнул, когда, продравшись сквозь кусты лозняка, выбрался на высокую полосу берега. Перед ним дымились остатки обгорелых изб, над которыми чернели печные трубы. Война только что закончила здесь своё разрушительное дело и пронеслась дальше. Горюнов обошёл пожарище и по развороченным огородам вышел на тропку. Тропка привела его к спуску в овраг. Спуск был крутой, и Горюнов почти сполз по чавкавшей глине на дно оврага. Оглядевшись, он вдруг заметил, как по отвесному краю оврага медленно движутся, смутные сквозь стенку дождя, человеческие фигуры. Расстегнув кобуру, Горюнов направился к ним.

Укрываясь от дождя под навесом обрыва, понуро шагали несколько красноармейцев. Подойдя поближе, Горюнов увидел, что люди эти охвачены той мертвенной, одуряющей усталостью, которая бывает только на войне. Нахохленные, небритые, в измызганных грязью шинелях, они медленно брели, с трудом переставляя ноги.

— Здорово, земляки! — сказал Горюнов, нарочно весело.

Но никто не ответил на его приветствие. Понурился, люди думали свои усталые думы. И только после долгой паузы один, рябоватый, с посинелыми щеками, хмуро спросил:

— Табачку нет ли свернуть?

— Чудак, — сказал Горюнов, — где ж у меня табак? Вы только под дождём мокли, а я со своими связистами ещё в речке плавал на манер осетра; сам еле жив остался, да всё раскисло. Я у вас надеялся разжиться.

Снова водворилось молчание. Горюнов посмотрел на безразличные, истомлённые лица и вдруг рассердился.

— В чём дело, землячки? — спросил он. — Чёрта ли вы такие квёлые, как дохлые куры?

И опять после паузы, не поднимая головы, ответил тот же рябоватый:

— Притомились мы, товарищ сержант... и простыли.

Горюнов ещё раз оглядел приунывших людей и в сердцах рубанул:

— Простыли! Что вы, черти вас порви, картонные, что ли? Где командир ваш?

— Нема у нас командира, — ответил другой красноармеец, вихрастый парнишка с толстыми ребячьими губами. — Убили нашего командира-сержанта. Оторвались мы от своих и не знаем толком, куда податься.

— Хороши! — сказал Горюнов, покачав головой. — В трёх соснах заплутали... Раз такое дело — принимаю командование. А ну, давай стройся! В бою отдохнём, в огне согреемся.

— Дак вы ж, товарищ, как видно, связист, по нашему делу непривычны, — с сомнением поглядев на Горюнова, сказал рябоватый, но

подтянулся и рукавом шинели обтёр мокрый приклад винтовки.

— Что значит непривычен? Ко всему привыкать на войне надо... Стройся, стройся, говорю... Сколько вас тут всего? Двенадцать? Так это ж, братики, сила! Это ж прямо железная дивизия. А ну, становись!

Весёлый голос Горюнова оказал своё действие. На усталых и безразличных лицах красноармейцев, осветляя их, мелькнули улыбки.

Лишние гранаты у кого есть? Давай командиру, а то у меня, ребята, всего оружия что эта висюлька, — Горюнов хлопнул по кобуре, — с ней много не навоюешь.

Он взял из протянутых к нему рук три гранаты: две заткнул за пояс, третью стиснул в здоровой руке.

— Ну, пошли! Дадим гансам жизни и сами оживём. Дивизия, шагом марш!

«Дивизия» двинулась за своим командиром гуськом по дну оврага. Горюнов шагал впереди, уже не чувствуя ни одинокой сиротливости, с которой он пробирался от реки, ни боли в руке. В нём рождалось и крепло чувство ответственности командира за свою «дивизию», и, оглядываясь на идущих за ним красноармейцев, Горюнов с удовлетворением видел, что выражение унылой и мёртвой усталости сошло с их лиц. Люди шагали уже твёрдо, глаза их ожили и блестели живо и зло.

«Сердиться начинают землячки, — подумал Горюнов. — Это хорошо. Наделаем дел».

Дно оврага медленно повышалось, выводя в открытое поле. Горюнов остановил «дивизию».

— Дивизия, стой! Надо разобраться в обстановке.

Оставив людей позади, он прополз по полю до копны прелого сена, вскарабкался на неё и огляделся. Справа от него темнели избы деревни. Оттуда доносились звуки стрельбы, и между ними мелькали вспышки и вставали чёрные столбы минных разрывов. По звуку ударов и по цвету дыма Горюнов узнал немецкие мины. Ему стало ясно, что в деревне свои и что сосредоточенный огонь немецких миномётов прижимает своих. Продолжая осматриваться, Горюнов разглядел впереди высотку, густо поросшую кустарником. Миномёты били оттуда. Прищуря глаз, Горюнов смотрел на высотку, соображая. Потом он скатился с копны, вернулся к своим красноармейцам и подозвал рябоватого.

— Даю боевую задачу: пробраться в деревню, найти командира подразделения, доложить, что я иду в обход — на гансовы миномёты. Ясно? Ползи! Остальные по одному за мной, вон до той канавки!

Горюнов указал на канавку вдоль межи по краю поля. Пригнувшись, он первым перебежал по мокрому жнивью до канавки и, не раздумывая, прыгнул в жёлтую глинистую воду, наполнявшую её до краёв, уже не чувствуя ни холода, ни мокроты, охваченный одним подымающимся возбуждением боя. Когда остальные собрались к нему, он повёл их по канаве, в обход высотки. Вода доходила до пояса, грязь на дне налипала пудами на ноги. Горюнов спотыкался, падал, выкарабкивался, облепленный грязью и размокшей соломой, но упрямо лез вперёд и вёл за собой людей. Канавка сворачивала за высоткой, и когда Горюнов добрался до её конца и осторожно высунул голову, он увидел на недалёком уже расстоянии между кустарником два миномёта и немцев в мышино-серых шинелях, возившихся у миномётов. Горюнов обернулся к своей «дивизии» и улыбнулся.

Люди, облепленные глиной и соломой, были похожи на болотных чертей и были теперь злы, как черти. Глядя на них, никто не сказал бы, что полчаса назад они шагали по дну оврага в полном безразличии. Они рвались в драку.

— Слушать! — сказал Горюнов. — Подыматься разом. Дать ходу во всю моготу. Бить гранатами. Я кидаю первый, остальные залпом... За мной!

Он рывком выбрался из канавы, пробежал половину расстояния до немецких миномётчиков и широким размахом бросил свою гранату. Она взвилась крутой дугой и, падая, ударила в спину немца, закладывающего в миномёт очередную мину. Тот изумлённо оглянулся, увидел бегущих

красноармейцев, вскрикнул что-то, указывая на них, но в это мгновение пламя и дым взрыва заволокли миномёт. Гранаты запрыгали по земле между ошеломлёнными немцами. Взрыв грохотал за взрывом, заглушая крики и стоны.

Но, несмотря на неожиданность удара и на потери от гранат, немцы оказались не робкого десятка. Уцелевшие мгновенно встретили атаку густым автоматным огнём. Потом, видя, что набегающих красноармейцев уже не остановить, начали отходить в чащу кустарника, отстреливаясь. Горюнов заметил высокого немца в длинной шинели, который командовал ими. Он побежал прямо на этого гитлеровца и выстрелом из пистолета свалил его. Фашист упал, и Горюнов перепрыгнул через него, целясь в другого, мелькающего в кустах. Он не видел, как раненый немец приподнялся и, кусая губы, вскинул последним усилием автомат. Горюнов почувствовал, как его сильно толкнуло в спину и рот сразу наполнился густой и горячей жижей, мешающей дышать. Он хотел сплюнуть, но небо с ошеломляющей быстротой завертелось вокруг него, и он стремглав ударился головой о корни кустарника.

Горюнов пришёл в себя на перевязочном пункте. Дружинница, стоявшая возле него на коленях, умело и быстро бинтовала его обнажённое туловище, а рядом стояли и тревожно смотрели на её ловкие маленькие, красные от осеннего холода руки бойцы «железной дивизии» Горюнова.

— Ну как, сестрица? — услышал Горюнов беспокойный вопрос.

— Будет жить, — уверенно сказала дружинница, — лёгкое пробито, но у нас от такого не умирают. Ещё три раза женится.

— Вы уж обязательно его вылечите, — просительно сказал вихрастый боец. — Такой, понимаете, боевой оказался. Сперва мы на него не очень понадеялись, всё-таки связист, к бою несвычный. Кроме того, сам был уже в руку раненный, тоже еле ноги двигал. А он, гляди, чего наделал! Выходит, всё сражение в наш кон обернул. Очень стоящий командир. Такому нельзя помирать.

Он повернулся к Горюнову, увидел открытые глаза командира и радостно улыбнулся.

— Очнулись, товарищ сержант? Теперь не беспокойтесь. Сейчас вас в госпиталь повезут. Выздоровливайте, а мы, значит, до своей роты пойдём. Нашли своих. Догонять надо. Наши уже далеко впереди. Так и рвут теперь фрицев, аж земля горит под ногами.

— Воюйте, землячки! — ласково сказал Горюнов, и глаза его застлало влагой. — Не поминайте лихом. Поработали мы с вами с честью.

Горюнову стало тоскливо. Он вдруг ощутил острую горечь расставания со своей так неожиданно найденной и так быстро потерянной «дивизией».

— До свиданьчика, товарищ, — застенчиво сказал вихрастый, осторожно дотрагиваясь до бессильно свисшей руки Горюнова. — Ребята просили узнать, каково ваше прозвище. А то вели вы нас в бой, а мы и не знаем, как вас величать. Капитан тоже спрашивал: какой такой герой вами командовал, такого обязательно наградить надо. Узнайте, говорит, как его фамилия.

— Фамилия? — переспросил Горюнов, смотря на ласковое лицо вихрастого парнишки. Он задумался, и вдруг лукавая усмешка скользнула по его белым, сухим от жара губам. — Фамилия? — повторил он. — Суворов моя фамилия...

— Суворов? — переспросил вихрастый с некоторым сомнением.

— Суворов, — подтвердил Горюнов.

— Выходит, значит, вы одной фамилии со знаменитым генералом.

— Подымай выше, — сказал Горюнов. — Я его внук... У него, землячки, много внуков. Вся армия ему внуки... И точка!.. Катитесь своих догонять, да меня вспоминайте.

И «внук» генералиссимуса русской армии Александра Суворова сержант Павел Горюнов устало откинулся на подложенную ему под голову шинель, и закрыл глаза.